

ЖУРНАЛИСТИКА

Научная статья
УДК 070:93/94 (571.1)
doi: 10.17223/19986645/90/15

Народничество и областничество в фельетонах Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888)

Александр Евгеньевич Мазуров¹,
Наталья Вениаминовна Жилиякова²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *rumatamonteg@gmail.com*

² *retama@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются народнические и областнические установки, идеологемы в фельетонном творчестве Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888 г.). Раскрываются ключевые положения идеологий, анализируется обращение к ним публициста. Делаются выводы о том, что идеологические направления в фельетонах не противоречили друг другу, а служили формированию оригинального взгляда на регион.

Ключевые слова: Ф.В. Волховский, «Сибирская газета», фельетон, народничество, областничество

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

Для цитирования: Мазуров А.Е., Жилиякова Н.В. Народничество и областничество в фельетонах Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» (1882–1888) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 90. С. 300–322. doi: 10.17223/19986645/90/15

Original article
doi: 10.17223/19986645/90/15

Narodnichestvo and Siberian regionalism in Feliks Volkhovsky's feuilletons in *Sibirskaya Gazeta* (1882–1888)

Alexandr E. Mazurov¹, Nataliia V. Zhilyakova²

^{1, 2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *rumatamonteg@gmail.ru*

² *retama@yandex.ru*

Abstract. Researchers of Siberian journalism of the late 19th – early 20th centuries often faced the problem of coexistence of two ideologies – Siberian regionalism and

Narodnichestvo (“populism”) in provincial publications, as well as in works of specific opinion journalists. This situation was due to the mass exile of representatives of Narodnichestvo to Siberia in the 1880s, including as part of the Trial of the 193, and their search for their place in a region new for them. Representatives of the Narodnichestvo movement, who before their exile were actively engaged in agitation, including journalistic activities, often became employees of periodicals in Siberia and had a significant influence on their development and ideology. One of these populists exiled to Siberia was Feliks Volkhovskiy, who eventually became the unspoken editor of *Sibirskaya Gazeta*. During its eight years of existence, *Sibirskaya Gazeta* published 355 fiction and publicistic fiction texts. Volkhovskiy was the author of more than 100 materials, including 76 feuilletons. In addition to feuilletons, he published poems, essays, theater reviews and literary critical materials in *Sibirskaya Gazeta*. In many ways, it was Volkhovskiy’s feuilletons that became the subject of close attention from the censorship department, as well as a stumbling block in editorial meetings. The aim of the study is to identify Siberian regionalism and Narodnichestvo ideologemes in Volkhovskiy’s feuilletons published in *Sibirskaya Gazeta*. The main research methods are historical-literary and comparative-typological methods, and the method of descriptive poetics. The material for the study is Volkhovskiy’s feuilletons published in *Sibirskaya Gazeta* under pseudonyms in 1882–1888. Work in the feuilleton genre allowed Volkhovskiy, an exiled Narodnichestvo poet, to share his ideas on the pages of the censored provincial publication *Sibirskaya Gazeta*. The analysis of the feuilletons shows that they manifest Volkhovskiy’s “populist” views and regionalist ideas. Despite the fictionalization of Volkhovskiy’s feuilletons, one of their key features was their focus on opinion journalism. In *Sibirskaya Gazeta*, Volkhovskiy repeatedly revealed his “populist” and regionalist positions, uniting two ideological poles coexisting within the editorial office. The merger of the ideologemes of Siberian regionalism and Narodnichestvo can be traced in Volkhovskiy’s feuilletons in combinations of specific details of images and intersections of various theses.

Keywords: Feliks Volkhovskiy, *Sibirskaya Gazeta*, feuilleton, Narodnichestvo, Siberian regionalism

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-78-10126, <https://rscf.ru/project/22-78-10126/>

For citation: Mazurov, A.E. & Zhilyakova, N.V. (2024) Narodnichestvo and Siberian regionalism in Feliks Volkhovskiy’s feuilletons in *Sibirskaya Gazeta* (1882–1888). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 90. pp. 300–322. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/90/15

Введение

Исследователи сибирской журналистики конца XIX – начала XX в. часто сталкиваются с проблемой сосуществования на страницах провинциальных изданий, а также в творчестве публицистов двух идеологий – областничества и народничества. Данная ситуация обусловлена массовой ссылкой народников в Сибирь в 1880-е гг., в том числе в рамках «процесса 193-х», а также поиском ими своего места в новом для них регионе [1]. Народники, до ссылки активно занимавшиеся агитационной, публицистической деятельностью, в Сибири часто становились сотрудниками периодических изданий и оказывали существенное влияние на их направление.

Ярким примером сосуществования двух идеологий в периодическом издании является «Сибирская газета», выходившая в Томске в 1881–1888 гг. Газета была ведущим изданием, первой крупной частной газетой в Западной Сибири. В ней работали как местные авторы – П.М. Головачев, Ф.Ф. Филимонов, А.В. Адрианов, так и сосланные в Сибирь писатели и публицисты народнического направления: К.М. Станюкович, Ф.В. Волховский, С.Л. Чудновский, Д.А. Клеменц [2. С. 5]. Во многом такое разнообразие редакционного состава сказалось на идеологическом векторе издания: изначально формировавшая как орган областников газета трансформировалась под влиянием народников с их более резкими оценками, критикой общественно-политического строя, размышлениями о положении трудящихся [3]. Народники также не могли игнорировать областническую ориентацию издания, обращаясь в своих выступлениях к вопросу колониального положения региона. «Сибирская газета», таким образом, формировала зарождающуюся идеологию сибирской интеллигенции [4].

Помимо наличия двух идеологических стержней, другой ключевой особенностью издания была его «литературоцентричность» [2. С. 18–66]. Художественные и художественно-публицистические материалы встречались почти в каждом номере: в «Сибирской газете» публиковались стихотворения, рассказы, очерки и даже роман. Ориентация газеты на литературные выступления и просвещение сибиряков влияла и на информационные жанры издания, ее новостные рубрики [5]. Также существенное влияние на развитие провинциальных изданий, среди которых была «Сибирская газета», оказывала цензурная политика: про злоупотребления на местах писали, обращаясь к художественным и художественно-публицистическим жанровым формам, эзопову языку. Кроме того, обращение к данным жанровым формам, преимущественно к фельетону, было единственной возможностью раскрыть идеологические установки издания [6].

За восемь лет существования в «Сибирской газете» было опубликовано 355 художественных и художественно-публицистических текстов. Автором больше 100 материалов, среди которых 76 фельетонов, был поэт-народник Ф.В. Волховский, сосланный в Сибирь по «процессу 193-х» [7. С. 12]. Определяя роль Волховского в издании, исследователи обозначают его как «негласного редактора» – сотрудничество с газетой публицист начал в 1882 г. после переезда в Томск из Тюкалинска [8]. Кроме фельетонов, Волховский публиковал в «Сибирской газете» стихотворения, очерки, театральные обозрения и литературно-критические материалы. Во многом именно фельетоны публициста становились предметом пристального внимания со стороны цензурного ведомства, а также камнем преткновения редакционных собраний [9].

Цель исследования – выявление областнических и народнических положений, идеологием в фельетонах Волховского в «Сибирской газете». Под идеологемами в данной статье понимаются различные образы в произведениях публициста, которые выражают установки рассматриваемых общественно-политических течений [10, 11]. В рамках данной статьи идеологеми

не рассматриваются со стороны их повторяемости и освоенности литературными предшественниками или последователями, в качестве определенных узнаваемых символов.

Основными методами исследования являются историко-литературный, сравнительно-типологический, метод описательной поэтики. Материалом для исследования полсужили фельетоны Волховского, опубликованные в «Сибирской газете» под псевдонимами «В тиши расцветший василек» (1882), «Фома» (1882–1883), «Иван Брут» (1883–1884, 1888), «Я. Ачинский» (1883–1884), «Дядя Федул» (1883–1884), «Консерватор» (1883–1885), «Простой смертный» (1884–1888), всего 76 текстов.

Творчество Волховского часто оказывалось предметом научной рефлексии исследователей, при этом большая часть научных трудов была издана в советские годы [2, 3, 8, 12–15]. Исследователи советского периода чаще всего фокусировались на обзоре творчества Волховского периода сибирской ссылки, не обращаясь к конкретным произведениям, мотивам и образам. Современные исследователи фокусируются на рассмотрении творчества автора в контексте сотрудничества с «Сибирской газетой» [2, 16], конкретных фельетонных циклах и поэтике произведений [7, 17–19]. Соприкосновение народничества и областничества в творчестве Волховского затрагивается лишь в одном исследовании в контексте эксплицитности авторской позиции [7]. Вопрос взаимовлияния народнических и областнических идей рассматривался различными исследователями и современниками событий, при этом без опоры на анализ произведений конкретных авторов [2, 20–27].

Областничество и народничество в «Сибирской газете»

В 1881 г. главным идеологом «Сибирской газеты» был А.В. Адрианов, который с 1882 г. стал редактором издания. Вокруг Адрианова группировались местные публицисты, в большинстве своем областники. Уже с первого номера в передовой статье обозначился идеологический вектор газеты:

«Непрерывно наблюдать движение местной жизни, возбуждать к ее нуждам внимание и интерес местного же общества, указывать в ней такие стороны, над которыми с любовью могли бы работать молодые силы, наконец, способствовать всеми силами проявлению на месте самостоятельной умственной жизни – таковы должны быть ее цели. Народное просвещение в Сибири, положение и нужды сибирского крестьянина и инородца, и скорейшая перестройка старого, дореформенного порядка...» (СГ. 1881. № 1).

В передовой статье отразилась главная установка областников – на просвещение сибиряков как единственную возможность «пробуждения патристических чувств» и «пополнения рядов местной интеллигенции» [2. С. 36]. В формировании собственной интеллигенции, а также в нравственном воспитании народа областники видели единственный способ борьбы с колониальной политикой центра [28. С. 132–133]. Именно осмысление колониального положения Сибири по отношению к центральным регионам Российской империи являлось ключевым для областничества [см.: 20, 29].

Публицистами освещались главные признаки «зависимости» региона: Сибирь представлялась источником сырья, где в зачаточной форме находилась собственная производственная база, отставали в развитии образование и инфраструктура. Также важными для «Сибирской газеты» как областнически ориентированного издания являлись следующие тезисы, вытекающие из колониального положения региона: деструктивное влияние на Сибирь уголовной ссылки [27] и проблемы переселенческого вопроса, в первую очередь с точки зрения самих переселенцев, бросаемых на произвол судьбы, при том что регион использовался европейской частью России как вариант решения вопроса крестьянского «безземелья» [28].

Ключевым для областников было сохранение и развитие крестьянской общины, которая в Сибири, в отличие от центральных регионов, еще не находилась в упадке. Первой целью на пути областников было достижение общины-области с общесибирской собственностью на землю, которая должна быть основана на обособленных хозяйственно-экономических интересах и культурных особенностях региона [30. С. 38–46].

Важное внимание в рамках концепции Сибирь как колония занимал и вопрос притеснения инородцев со стороны местных чиновников, воплощавших этническую политику Российской империи с многочисленными нарушениями. Один из главных идеологов областничества Г.Н. Потанин, который вел активную переписку с редактором «Сибирской газеты» А.В. Адриановым, видел возможным развитие общества только с опорой на межэтническое взаимодействие; при этом «племя», у которого осуществляется взаимодействие, может быть не доминирующим в отношении к реципиенту. Кроме того, Потанин отмечал, что продуктивное межэтническое взаимодействие возможно лишь в том случае, если осуществляется народными массами, а не миссионерами и чиновниками [30. С. 110–114].

Несмотря на обращение преимущественно к экономической зависимости Сибири от центра, областничество как «эkleктическое направление» впитало установки революционеров-демократов 1860-х гг. [31] с их постоянной критикой, обличением произвола на местах и народнические установки (см.: [32. С. 303–304]). В «Сибирской газете» это отразилось в форме постоянных нападок на многочисленных «кондратов», «котов» и приезжих «шмулей». Также представители областничества неоднократно обращались к крестьянскому вопросу в пореформенное время, переводя его на сибирскую почву: описание многочисленных налогов и податей для крестьянства в Сибири, а также местного варианта воплощения тех самых реформ. Кроме того, вслед за революционерами-демократами областники неоднократно указывали на необходимость буржуазно-демократических изменений в Сибири после отмены крепостного права [29. С. 12]. Несмотря на обращение к данному вопросу, областничество, в отличие от современных и смежных идеологических направлений, отказывалось от ориентации на конкретный класс и не указывало конкретные варианты решения назревающих в обществе противоречий (см.: [21, 31]).

В 1882 г. сотрудничать с «Сибирской газетой» начал ссыльный поэт-народник Волховский, который со временем стал ее «негласным редактором» [8]. Его работа провоцировала рост интереса к сотрудничеству с изданием других политических ссыльных, в основном представителей народнического направления, в частности выступлению в «Сибирской газете» С.Л. Чудновского и Д.А. Клеменца. Ключевой вклад в газету ссыльные вносили корреспонденциями из различных городов Сибири.

С появлением в издании политических ссыльных, а также увеличением их влияния газета стала явным проводником социалистических идей. В частности, в материалах издания неоднократно фигурировали ключевые для народничества тезисы о проблемах капитализма как регрессивного строя, о признании самобытного русского экономического строя с опорой на артельные начала, об игнорировании интересов бедных слоев населения со стороны действующей власти (см.: [33]).

Также характерными народническими положениями были стремление к слиянию интеллигенции с народом, ориентация не только на обучение и революционную пропаганду, но и на необходимость сближения с ним – понимание его потребностей и положения, а также формирующееся чувство вины перед народом. Итогом такого сближения должно было стать освобождение народа из-под власти «интеллигентско-бюрократического меньшинства» [34. С. 488–505]. В рамках определенной идеологической инертности течения ключевыми для ее представителей были ориентация на «преобразование старого мира», а также негативное отношение к «феодално-буржуазному миру» [35. С. 2–3].

Во многом народническое направление в «Сибирской газете» формировалось под влиянием членов кружков «чайковцев», в которые входили до ссылки ее сотрудники Ф.В. Волховский и Д.А. Клеменц. Главным отличием кружков являлась их ориентация на сближение с рабочими. Во многом отсюда вытекала ориентация «чайковцев» на критику капитализма и сближение с рабочим движением Европы. Обозначая особый путь России, члены кружка подчеркивали «мертворожденность капитализма» и чувство ответственности перед обездоленными трудящимися: «чайковцы» шли в народ с пропагандой социализма как идеологии преобразования [35. С. 158–161]. «Чайковцы» была нацелены на политическую борьбу для достижения «равноправия». Сознание ответственности интеллигенции перед народом в деятельности кружка превратилось в тезисы о необходимости прекратить господство определенных классов [35. С. 161–166].

В.М. Крутовский характеризовал участие ссыльных в провинциальных периодических изданиях следующим образом: «...большинство “политических”, интересовавшихся Сибирью и серьезно изучавших ее, не теряя своих идеалов, незаметно подпадали под влияние областничества» [25. С. 291]. Таким образом, обозначая влияние социалистических взглядов ссыльных на направление изданий, он подчеркивал их невольное обращение к идеологии сибирской интеллигенции.

Стоит отметить, что народничество и областничество почти не противоречили друг другу, представляя скорее разные пути преодоления социальной несправедливости, в частности с попытками обозначить самобытность региона (для областников) и страны (для народников с их отклонением от европеизации и принятием особого пути России к социализму), а также обращением к интересам региона/народа. Областничество во многом впитало установки народников с их стремлением к общине и артели, но, несмотря на это, можно заметить и определенные отличия: например, развитие капитализма воспринималось многими областниками с их стремлением к прогрессу как позитивное, переходное явление; народниками – как тупиковая ветвь развития.

Еще одним различием двух идеологий являлась степень их определенности, становления и оформления программ. Народничество как идеология представляло собой полноценное общественно-политическое течение, несмотря на всю его инертность, дробление на кружки с их конкретными вариантами воплощения «преобразования действительности». В свою очередь, сибирское областничество в конце XIX в. не обладало полноценной программой, обходя многие политические и экономические вопросы, конкретные варианты решения проблем, и представляло собой скорее набор установок и тезисов, которые собирали представители различных политических взглядов, в том числе разной степени радикальности, вокруг назревавших в регионе проблем.

Народничество в фельетонах Ф.В. Волховского

Народническая позиция Волховского в «Сибирской газете» находила отражение как в прямых, граничащих с запретом и обращавших на себя внимание цензуры выступлениях, так и непосредственно в поэтике, основных мотивах, образах и отсылках. Публицист стремился продемонстрировать социальную несправедливость и неравенство, злоупотребления по отношению к трудящемуся человеку – крестьянину и рабочему.

Позиция публициста нашла отражение уже в первом фельетоне «Нечто о сезоне и прочем», опубликованном под псевдонимом «В тиши расцветший василек». Материал был посвящен бийскому купцу Василию Гилеву, укравшему известку (см.: [36]). По сюжету фельетонист оказался на торжестве по случаю завершения строительства «сооружения», барельефы на котором изображали рабочего, выделывавшего опоек из собственной кожи, а также обманутых инородцев. На торжестве в «васильке», в конце концов, заподозрили корреспондента: «И все эти бессердечные манекены глядели на меня одинаково яростно, ибо все они видели, что я их понял! Еще минута и они бы меня растерзали! На секунду я как будто растерялся, не зная, что мне делать, и обвел комнату глазами, ища спасения» (СГ. 1882. № 42). Волшебным образом корреспонденту удалось спастись благодаря «Богу трудящихся и обремененных»:

«Тут только я заметил давешнего кузнеца, который, прильнув с улицы к окну, давно уже кричал мне через две рамы: “молись мужичьему Богу, молись скорей”. Я мигом вспомнил, что это и мой Бог и, закрыв глаза, мысленно призвал к себе на помощь Бога трудящихся и обремененных... В ту же секунду я увидел себя стоящим в мужичьей избе, полной народу» (СГ. 1882. № 42).

Этот сюжетный ход подчеркивал ориентацию публициста на сближение интеллигенции с народом, перекликаясь с тезисом, характеризующим народничество 1870-х гг.: «Социализм был его верой, народ – божеством» [35. С. 179]. Во многом народники воспринимали народ как «евангельскую святыню», на простом «мужичке Христовом» лежала презумпция невиновности, а ответственность за социальную несправедливость, с которой мужику повседневно приходилось сталкиваться, лежала на плечах интеллигенции [37].

В этом же фельетоне проявлялись и выявленные в ходе попыток сближения с народом ноты разочарования, была обозначена разделявшая два социальных пласта пропасть. Он начинался с эпиграфа из пушкинского «Евгения Онегина»: «Зима! Крестьянин, торжествуя, // На дровнях обновляет путь!...», после чего Волховский, рассуждая о причинах «торжества» крестьянина, приходил к следующим ироничным выводам:

«Как же мужику не торжествовать? Может быть какая-нибудь комиссия сложит полтинник или рубль с его годовых платежей, а другая пристыдит его: дескать нехорошо тебе, мужик, пить столько водки, сколько господа пьют вина! А он с радости-то, да с совести на этот полтинник и закатится вместо кабака на концерт, или в спектакль: всю жизнь, мол, либо карманом моим, либо спиной, либо физиономией потрясают, – сем-ко я пойду, пусть искусства потрясут мое сердце!» (СГ. 1882. № 42).

Тематика разочарования в попытках сближения с народом, а также в поиске справедливости находила отражение в персонаже цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» (написан под псевдонимом «Иван Брут») – Тихоне Модестовиче. Публицист давал ему подробную характеристику: «Человек он российский и в Сибирь попал не по своей воле. В молодости он отличался особенно живым чувством справедливости, любовью к ближнему и страстным желанием положить предел неправде на любимой родине... Он жестоко пострадал за это... с годами, стал каким-то, словно пришибленным; он не отваживался не только действовать смело, но даже думать» (СГ. 1883. № 28). Тихон Модестович в описании Волховского представлял собой «типичного народника», разочарованного в возможности преобразования общества с опорой на народ.

В фельетоне «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» Волховским были также сформулированы положения о необходимости борьбы: «Мы против чего боремся? против произвола, против порабощения воли одного человека другим, против эксплуатации труда, или сил одного человека другим, против невежества, дикости нравов, словом – всех тех противообщественных сил, которые, мешая справедливому распределению в обществе

труда и благосостояния, не стесненному правильному и гармоническому развитию человеческой личности, и свободному определению этой личностью собственных судеб» (СГ. 1883. № 28). Ключевыми целями борьбы для Волховского являлись равное распределение ресурсов, просвещение и уничтожение мешающих развитию общества и равномерному распределению ресурсов общественных сил. Однако многие установки публициста не могли быть подробно раскрыты из-за пристального внимания к «Сибирской газете» со стороны цензурного ведомства.

Во многих фельетонах публицист критиковал позицию Тихона Модестовича, подчеркивая необходимость продолжать активную деятельность. Волховский писал: «Да, нет места пророку в таком отчестве и среди такого народа, и только чувство альтруизма, в высшей степени развитое: заставляет немногих идти с проповедью и погибать в неравной борьбе, в надежде, что гибель принесет счастье, хотя следующим поколениям и даст толчок к развитию высших, гуманитарных идей в их отечестве» (СГ. 1885. № 1). Эта народническая концепция героя, который «ведет за собой толпу», была характерна для многих публицистов конца XIX в. и проявилась в творчестве Волховского в «Сибирской газете». Те трудности, с которыми столкнулись народники-идеалисты в 1870-е гг, во время хождений в народ, по мнению публициста, должны были стать опорой для дальнейших изменений в обществе.

Одной из ключевых в рамках раскрытия народнической позиции в фельетонах Волховского является тема поста и масленицы, вводимая в цикле «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» под псевдонимом «Иван Брут». Во втором фельетоне цикла публицист приводил различные примеры «пестроты житейской»: взяточника; волостного писаря, перед которым «дрожат» крестьяне; священника, требующего определенную плату за крещение ребенка; купца, спекулирующего мукой и держащего весь город в кармане (СГ. 1883. № 9). В завершение галереи фельетонист приходил к выводам:

«И в приведенных субъектах довольно разнообразия: тут и невинный младенец, и опытнейший медный лоб, и юный "пастырь добрый". При всем том, их соединяет нечто общее... Их соединяет блин... Каждому из них хочется иметь свою масленицу, да как можно пожирнее, да не раз в году, а чтобы всю жизнь!.. Безотносительно говоря, иметь человеку свою масленицу – дело вполне законное; почему же производят такое отвратительное впечатление эти масленичные люди? А потому, государи мои, что масленицу эту самую хотят они устроить не в союзе, не в дружбе, не заодно с трудящимся человеком, а вопреки ему: они норовят вырвать ее у него из горла, словно у врага» (СГ. 1883. № 9).

Мотив получает развитие в фельетоне «Пост и масленица» в 1888 г. В обоих фельетонах масленица раскрывалась в форме материального благополучия для определенных слоев населения, которые пренебрежительно относятся к другим. В самом начале текста в диалоге один из «приятелей» говорил фельетонисту: «Пост и масленица распределяются между людьми, во все не по времени, а по положению: одному круглый год пост, другому –

масленица; если же и не круглый год, то все-таки совершенно независимо от календаря... скорей уж от адрес-календаря есть некоторая зависимость» (СГ. 1888. № 20). В дальнейшем в фельетоне описывались различные примеры, подтверждающие высказанную мысль: судьбы выпускниц женской школы разного происхождения, предложение учредить санитарную комиссию «из приличия» в думе томским купцом О.И. Акуловым и др.

В образе «идеальной» масленицы – равного распределения ресурсов для всех – Волховский раскрывал и ключевую для народников ориентацию на крестьянские общины и артельные начала в рамках развития: «“Всяк за себя, а Бог за всех” – это фарисейская заповедь не имеет будущности. Нет, “все за каждого и каждый за всех”. Миром надо жить, сообща работать. Тогда и масленица будет иная, и будет она у каждого человека!» (СГ. 1883. № 9).

Ключевой в фельетонах Волховского, которые он публиковал под псевдонимом «Иван Брут», также была тема «дешевки», которая «сильно вошла в нравы не одного Томска, а всей Сибири» (СГ. 1883. № 19). В фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» «дешевка» принимала сразу несколько значений – не только продающиеся «за копейки» товары, но и дешевизна человеческих жизней и вкусов. В качестве примера фельетонист приводил иллюстрации из разных уголков Томской губернии, когда деньги стоили дороже человеческой жизни: убийство вора содержателем кабака, издевательства над пьяным офицером на торжестве, отношения иркутского коммерсанта к семье. Публицист в конце фельетона обозначал свою позицию: «Дешево, господа, дешево ценится у нас человек, очень дешево! – Дешево даже в том случае, когда, по общепринятым понятиям, мы ему обязаны» (СГ. 1883. № 19).

Рассуждение о ложном и истинном патриотизме в конце фельетона заканчивалось полноценной революционной проповедью: «В то время как настоящий патриот верит в способность своего народа стать народом великим, патриот дешевенький и пустозвонный уверяет, что в его народе все в настоящую секунду прекрасно, великолепно, восхитительно. Истинный патриот искренно желает своему народу добра; поэтому он прежде всего старается себе выяснить, что надо разуметь под добром в смысле блага трудящегося большинства? Затем он зорко вглядывается в неурядицы родной жизни и страстно клеймит их, зная, что пока худое не будет признано, как худое, до тех пор не будет и побуждений к замене его хорошим» (СГ. 1883. № 19).

В данном фрагменте отражаются народнические установки на принятие народа вне романтической идеализации – народа безграмотного, безземельного, бесправного и бедного. Описывая проблемы народа, представители течения испытывали глубокое сострадание, считая, что ответственность за это лежит на интеллигенции.

В фельетоне «Ивана Брута» «Дешевка» за 1888 г. тема приобретала более острые интонации. Дешевка разделялась публицистом на два пласта. Первый пласт – реальный – представлял собой распродажу, на которую отправились родственницы фельетониста, потратив крупную сумму. Второй пласт открывался при погружении рассказчика в сон: он видел «всесибир-

скую дешевку», на которой распродалось «мужичье благополучие», «обывательское спокойствие» и «уважение к человеческой личности» (СГ. 1888. № 34). Таким образом, тема приобретала народническое звучание: Волховский описывал, как сельские власти изымали у крестьян последние «хлебные крохи» на удовлетворение «кого следует».

Обращение к теме дешевки давало возможность Волховскому критиковать капитализм. Описывая целую галерею «котов» и «кондратов» – прежде всего чиновников и купцов, Волховский на страницах издания прямо обозначал необходимость преобразования экономического строя. В фельетонах публициста слово «капитал» встречается 47 раз – чаще всего в роли ироничных отсылок.

Примером может служить фрагмент из фельетона цикла «Летопись мирного городка» (был написан под псевдонимом «Я. Ачинский»): «С внешней стороны мы не блещем пышностью: две церкви, четыре магазина, кладовая казначейства, пороховой погреб да два-три товарных склада – вот и все, что воздвигнуто в нем каменного. Из деревянных же строений, кроме трех-четырёх десятков домов, все остальное принадлежит к тому неизбежному, при господстве благодетельного капитала, и, количественно, наиболее употребительному архитектурному стилю, который носит название «хибарки» (СГ. 1883. № 44).

Также публицист на страницах издания напрямую обращался к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, что было характерно для «чайковцев». Например, в фельетоне-сказке «С новым годом!» перевоплотившаяся и готовая бороться с «нечистой» красавица-Сибирь опиралась на щит, на котором были выгравированы цитаты из Библии и тезисы коммунистической партии: «Братья, возлюбим друг друга», «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав», «Орудия производства принадлежат трудящемуся» (СГ. 1883. № 1). Кроме того, Волховский в своих фельетонах обращался напрямую к критике идей Ф. Бастиа и Г. Шульце-Делича – экономистов, авторов теории гармонии интересов труда и капитала, которые подчеркивали отсутствие классового антагонизма капитализма, описывали гармоничное буржуазное общество: «Дело в том, что средняя годовая температура разных лет сходится вполне, до десятых долей градуса; замечается только иное ее распределение: сибирское лето становится холоднее, зато сибирская зима постепенно теряет свою легендарную суровость. И так, говорят гг. естествоиспытатели, чего вы недополучите летом, то вернется вам зимой. На мой взгляд, однако, это плохое утешение, ибо оно очень похоже на советы экономистов школы Бастиа и Шульце-из-Делича – составить себе состояние сбережениями из заработка, которого не хватает на хлеб и одежду» (СГ. 1886. № 24).

Взгляды публициста на капитализм также отразились в одном из персонажей фельетона «Ночь на новый год» (опубликован под псевдонимом «Иван Брут») – рабочем артели. Рабочий стучался в двери к главному герою фельетона, купцу Егору Иннокентьевичу, в преддверии Нового года и обращался к нему с просьбой передать артели золотой прииск. На вопрос, с чего бы купцу передавать свой капитал, рабочий ответил следующим образом:

«Позвольте вам доложить: ведь земля, что же земля? – ведь она Божья! И ведь она только руками человеческими дает что-нибудь; а сама-то по себе, хоть распробогатая будь, золота-то ведь она из себя не выкинет. Если насчет приисковых расходов, так уж вы их, Егор Иннокентьевич, давно выбрали на золоте. За инвентарь мы вам заплатим в лучшем виде, Егор Иннокентьевич. Вот вы изволите говорить: капитал! Так ведь он не с неба же вам упал и не своими руками вы его сделали, а уж это дело известное: работник выработает в день, скажем, на 5 рублей, а хозяин ему дает 50 к., остальные 4 с половиной берет себе; из этого и составляется капитал» (СГ. 1884. № 1). В данном диалоге нашло отражение одно из основных положений народничества о необходимости «равенства людей между собой по рождению и равноправности их на земле» [35. С. 171].

Прямая критика самодержавия и существующего политического строя, характерная для народнических прокламаций, не могла найти отражения в фельетонном творчестве публициста из-за цензуры. Тем не менее Волховский выражал социалистическую позицию по отношению к действующей власти, обращаясь к эзопову языку и иронии. Ярким примером может выступить фельетон цикла «В толпе» под псевдонимом «Простой смертный», где публицист, описывая практику отбывания выборной службы наймом подставных лиц, приходил к следующим выводам: «Да, мы, несомненно, народ образованный. Недаром еще Карамзин сказал: «Народы дикие любят независимость; народы же образованные любят порядок». Так и запишем» (СГ. 1885. № 47). Полная цитата из повести Н.М. Карамзина «Марфа-Посадница, или Покорение Новгорода», заканчивающаяся фразой «...а нет порядка без власти самодержавной», восстановленная читателями, в сочетании с мыслями публициста о глупцах в роли общественных деятелей как казни египетской представляла собой полноценную критику существующего политического строя.

Наиболее ярко народническая позиция в фельетонах Волховского раскрывалась в определенных примерах социальной несправедливости. Например, в обличительном фельетонном цикле «Сибирский музей» под псевдонимом «Консерватор» [38] Волховский описывал положение рабочих на неводах у купца-«рыботорговца» Степана Лабусова. Публицист полностью приводил трудовой договор, заостря внимание на различных его пунктах: обязанности «не иметь знакомства с подозрительными людьми», выходить на работу даже в болезнь, выплачивать штрафы за неявку на работу по уважительной причине, необходимости работать по 15 часов в смену. В конце автор пришел к выводу о необходимости обращения внимания на условия труда со стороны прокурорского надзора: «Как вам нравится, читатель, этот замечательный документ?.. Когда я читал его, то Сысой Голопупин малопомалу терял в моем воображении облик человека и начинал превращаться в нельму, которую Лабусовский приказчик Дормидонт Рубликов окутал огромным неводом, с диким хохотом выволол на пески и своими жирными ручищами, выпотрошив, кинул в засол. Я видел, как трепетала всем существом своим бедная нельма в огромных лапах хохотавшего Дормидоши, но

когда из нее была вынута печень, желудок, сердце и все нутро, она почувствовала себя обязанной идти беспрекословно по назначению, т.е. в засольную яму» (СГ. 1885. № 21).

Обращаясь к различным проблемам социальной несправедливости, Волховский постоянно транслировал мотив вины интеллигенции перед народом: «Велик и тяжок этот грех, он называется пренебрежением к трудящейся личности, непониманием своих отношений к рабочему человеку, к тому захудалому, маломощному обывателю, который, сам перекатываясь из кулька в рогожку, всех нас поит, кормит, одевает и дровцами, да и керосинцем снабжает!» (СГ. 1883. № 12). Как и другие народники, он критиковал тех «любителей просвещения», которые могли получить образование и другие блага только благодаря «мужичьей работе», но при этом не испытывали признательности по отношению к народу.

Особое внимание в творчестве публициста уделялось примерам, когда в народе, на который «мы привыкли смотреть свысока, с высоты нашего образования», пробуждались чувство неприятия социальной несправедливости, и человеческое достоинство. Например, в фельетоне цикла «Скромные заметки о не всегда скромных предметах» Волховский описывал столкновение крестьян и секретаря полицейского управления. Так, крестьяне, державшие в городе ямщину, перестали возить в управу воду, после чего секретарь отказал им в арендуемой квартире. Кандидата, которого сельский сход отправил с чиновником на переговоры, был отправлен в каталажку, после чего мужики пришли разбираться с секретарем и писали жалобы.

В конце данного фрагмента автор приходил к выводу, что для перемен необходимо пробуждение чувства во многих других притесняемых «помпадуррами»: «Искали ли крестьяне правды и далее и нашли ли ее – мне неизвестно. Всего вероятнее, что не нашли. Но меня занимает тут главным образом такой вопрос: что, если бы не одни Малышевские, а и многие другие крестьяне, – если бы и г. Ту-в, и тот опухший киргиз, и все множество обиженных и обижаемых господами Ст-ми, Ахмаевскими и им подобными оказались бы столь же чувствительными к обиде и энергичными в отстаивании своих прав, своей человеческой личности, как кандидат по старшине и его односельчане? Неужели медные лбы всех этих “дельцов” не разбились бы о неподатливость и стойкость принципа чести, добра, справедливости окружающих? Я думаю, что разбились бы» (СГ. 1883. №35). Таким образом, автор выражал народнические тезисы о бесправии народа перед чиновниками и властью, а также необходимость изменить существующее положение.

Принятие областнических идей

Одновременно с народнической позицией в фельетонах Волховского отражалась и идеологическая ориентация «Сибирской газеты» как областнического издания. Наиболее ярко областнические мотивы раскрывались публицистом в образной системе фельетонов, а также в сказочных фрагментах. Автор, акцентируя внимание на актуальных для Сибири вопросах, нередко

обращался к приему мифологизации действительности [7. С. 218–221]. Примером может служить фельетон «С новым годом!» («Иван Брут»): попав в буран, фельетонист увидел Сибирь в образе «величественной» женщины, которую осаждали легионы нечисти: «Я отвел глаза от старика, и первое, что мне бросилось в глаза, была величественная женщина поразительной красоты. Черты ее лица были суровы, но в глазах светилась бесконечная доброта. На ней была горностаевая шуба, подбитая соболем; но когда я всматривался в эту богатую одежду, горностаи представлялся мне, по временам, просто снежным пологом, на котором были раскинута села и города, казавшиеся, за дальностью расстояния, черными пятнами <...> Голову венчала прелестная диадема, походившая очертаниями на профиль Алтая, по середине которой переливался всеми цветами радуги громадный опал, словно большое озеро» (СГ. 1883. № 1).

Несмотря на образ осаждаемой Сибири, Волховский показывал и ее защитников: «Это была небольшая, – о, какая небольшая! – группа, стоявшая лицом к лицу с армией зла. Тут были мужчины и женщины, хорошо и дурно одетые, поражавшие импозантностью и вполне невзрачные, ученые и безграмотные, светские и духовные. Но все они были равно сильны определенностью и твердостью убеждений, верой в свою правоту и готовностью пролить за правду последнюю каплю крови. Прозрачные нити света связывали их со щитом великой красавицы» (СГ. 1883. № 1). Автор, таким образом, вводил в фельетон образ областников и «нравственно» пробудившихся представителей простого народа.

Аналогичный образ создан автором и в фельетоне «Мой тост (И сон, и был)» («Фома»). Фельетонист также видел «прекрасную» фею родины (Сибирь) и осаждающую ее «нечисть», принимающую вид веселящихся в кабаке людей, среди которых заседатели, «стряпчий» и «ссылный лихоимец». За их весельем с улицы наблюдала «чернь непросвещенна»: именно увидев простых людей, фельетонист погрузился в воспоминания и поднял тост «за мужичью, за холодную Сибирь» (СГ. 1883. № 6). Создавая, таким образом, мифологизированную реальность, Волховский представлял регион как богатый и готовый оберегать своих жителей, а также показал существующие в нем противоречия в виде мешающих ее развитию «котов», «кондратов» и других местных, а также приезжих «хищников».

Из приведенных фрагментов видно принятие публицистом-народником областнических тезисов об особом положении региона и необходимости защиты его от негативных социальных явлений. Думается, что Волховский как народник видел однородность населения Сибири в конце XIX в., в частности почти повсеместно сохранившуюся поземельную общину. Вместе с тем публицист указывал на необходимость нравственного развития местных жителей, их пробуждения.

В фельетоне цикла «Сибирский музей» («Консерватор») фельетонист обращался к областнической идеологии о деструктивном влиянии на Сибирь уголовной ссылки: «В Сибирь кот – Василий Иванович с братьей прибыли следом за Ермаком Тимофеевичем, прибыли и укрепились. Потому места

перед ними открылись новые, привольные: в лесах множество зверя ценного, в реках и озерах рыба кишмя кишит, в горах золото и серебро, и камни самоцветные, которых, кажется, никакие силы не выгребут. Славная страна, думают промеж себя Василии Ивановичи: богатая и отдаленная, до Бога высоко, до Царя далеко – делай, что хочешь, и тебе же челом бить станут (СГ. 1885. № 9).

Публицист считал, что уголовная ссылка как штрафная колонизация края [32. С. 1–36] мешает его развитию и негативно влияет на нравственный облик местных жителей: «Россия в течение последнего столетия подарила Сибири сотни тысяч уголовных преступников, между ними попадались гениальнейшие мыслители, временно увлекшиеся с прямого пути в порыве своих гениальных увлечений, сделавшиеся виновниками грандиознейших хищений: кому известны имена Юхонцева, Макшеева, Овсянникова, Рыкова и их собратьев. В Сибири все они переродились и разливают вокруг себя свет просвещения, являют доблестные примеры высоконравственных поступков и проч. в этом роде!» (СГ. 1885. № 1).

Важное место в фельетонах также занимает указание на отставание региона как в рамках экономики, так и в рамках развития самосознания. Так, в фельетоне «Сибирский музей» публицист изложил свое мнение об отсутствии пользы от золотодобычи для Сибири, тем самым откликаясь на областническое положение о регионе как колонии. На вопрос, что получает взамен золота Сибирь от России, Волховский отвечал следующим образом: «Золотоискательный ажиотаж в том виде, в каком он практикуется, ничего еще не принес Сибири, кроме горя-злосчастия, он обогащает единицы, разоряет и развращает десятки тысяч. 300 лет существует золотопромышленность, десятки тысяч пудов золота извлечено из недр земли и вывезено в Россию, а что получила взамен этого Сибирь? Земледелие находится в первобытном состоянии, фабричной и заводской промышленности нет за исключением водочных заводов, железных дорог нет, водяные пути существуют в том же виде, в каком застал их Ермак; население ничтожно по количеству, переселения идут туго благодаря искусственно создаваемым тормозам; города развиваются плохо, учебных заведений мало, грамотность – достояние меньшинства» (СГ. 1885. № 21). Волховский, таким образом, был лоялен к зарождавшемуся в Сибири регионализму, видя существующую несправедливость, связанную с политикой метрополии. Публицист понимал, что в социально-культурном отставании региона, «поглощенного» центром [32. С. 305], и его территориальной обособленности кроются возможности для дальнейшего развития.

Раскрытие областнической идеологемы о колонизации Сибири способствовало и обращению публициста к инородческому вопросу, отношению к проживавшему в регионе коренному населению. Например, в фельетоне «Ночь на новый год» публицист приводил встречу представителя купечества с «грязным, скуластым, узкоглазым инородцем»: последний обращался с просьбой дать «свет, правду», а также возможность получить образование. Заканчивалась встреча следующим образом: «Егор Иннокентьич, молча,

долго глядел на него, как глядят на человека, который стал заговариваться. Потом ему стало смешно. “А пышнина есть?” – спросил он. Иностранец подозрительно оглянулся. Затем быстро вытащил из-за пазухи богатейшую чернобурую лисицу и несколько голубых песцов. Глаза Попова разгорелись. Он быстро шагнул в комнату, схватил с ближайшего подоконника полный полуштоф и подал его иностранцу со словами “вот тебе и жизнь, и свет, и правда – все тут!” К величайшему изумлению Попова скуластый гость его не только не набросился на водку, но укоризненно покачал головой и молча, быстро вышел вон» (СГ. 1884. № 1).

Таким образом, публицист характеризовал проблемы освоения Сибири: местное население спаивали, обменивая водку на мех и оплачивая таким образом работу иностранцев. Негативное влияние русских на коренное население часто освещалось в «Сибирской газете» и нашло отражение в фельетонном творчестве Волховского. Также публицист проводил параллель с текущим положением региона по отношению к центру: «коты», не обращая внимания на нужды сибиряков, грабили их, ощущая при этом полную безнаказанность.

Неоднократно обращался публицист и к переселенческому вопросу, отмечая его медлительность из-за «искусственно создаваемых тормозов» – отсутствия финансирования и возникающих в процессе проблем. Переселенческий вопрос отражался в фельетонах преимущественно с гуманистической точки зрения – публицист описывал беды, с которыми приходилось сталкиваться людям на новой родине: «Общество не дает ничего. Казна отпустила 3000 р., когда число самых переселенцев, проходящих в одно лето чрез бараки, вдвое больше этого числа! Надо изнуренных приютить. Где же это? В неконопаченных, построенных из плах бараках, вмещающих, без тесноты, не более 150 человек, где сквозь стены и крышу (потолка нет) свищет ветер и пробивает дождь? Оставив здесь больных, надо их лечить. Но как же это сделать, когда «больница» вмещает, с необходимым контингентом здоровых для ухода за больными, в сложности, не более 24 человек» (СГ. 1886. № 31). Описывая притеснения, с которыми сталкивались переселенцы на новых местах, публицист подчеркивал, что большая часть региона остается неосвоенной и дикой, но приезжим не оказывается никакой помощи. Волховский, таким образом, обращался к тезису областников о переселении крестьян как части вольно-народной колонизации, которая должна составить основу развития не только региона, но и страны в целом [32. С. 306].

Кроме того, в рамках установки издания на просвещение Волховский неоднократно освещал проблему образования в Сибири, подчеркивая ее отставание от центральных регионов. Помимо критики действующих моделей образования, «педагогических мертвецов», а также указания на недоступность образования для широких масс, в фельетонах публициста проявлялась ипозитивная повестка. Примером может служить обращение Волховского к открытию бесплатной народной библиотеки: «24 апреля совершилась закладка здания бесплатной народной библиотеки в Томске. По этому поводу

невольно вспоминается то собрание членов “общества попечения о начальном образовании”, на котором была принесена С.Ст. Валгусову общественная благодарность за предпринятое им дело. Председатель встал, за ним встали все присутствующие, и посреди стоявших сочленов П.Ив. Макушин, обратясь к Валгусову, выразил ему уважение и признательность общества за сделанный им шаг» (СГ. 1886. № 18).

В рамках решения вопроса об образовании Волховский неоднократно обращался к проблеме необходимости формирования в Сибири собственной интеллигенции. Публицист отмечал неверное толкование явления в регионе: «Та же печальная участь постигла и слово интеллигент, интеллигенция. К кому у нас их пристегивают? Не имеющий чина квартальный надзиратель, кончивший курс во 2-м классе гимназии, статский или коллежский советники, не пошедшие дальше уездного училища и кроме входящих и исходящих мало что разумеющие – люди интеллигентные» (СГ. 1885. № 3). Вслед за областниками Волховский видел решение вопроса в создании собственной литературы и системы периодических изданий как средств борьбы с злоупотреблениями на местах и развития самосознания.

Также вслед за областниками публицист обращался и к необходимости открытия в Сибири университета. В фельетоне цикла «В толпе», посвященном смерти идеолога славянофилов И.С. Аксакова, публицист приводил дискуссию вокруг необходимости появления альма-матер: «Постоянным читателям “Сибирской газеты” известно, что три года тому назад она горячо нападала на высказанную И.С. Аксаковым в печати уверенность в том, что Сибири университет не нужен. Рассадник интеллигентных сил родной страны – как представляет себе сибирское население Сибирский университет – слишком дорог каждому сибиряку, для того чтобы не принять к сердцу заявлений, имеющих тенденцией лишить Сибирь этого рассадника. Вот почему “Сибирская газета” в то время не только возражала Ив. Сергеевичу, но возражала страстно и, может быть, не без жестокости» (СГ. 1886. № 9).

Обращение к областничеству в фельетонах Волховского отражалось и в переложении различных ключевых для двух идеологий вопросов на сибирскую почву. Интересными являются тезисы публициста о необходимости реформ для региона: «Нет никакого сомнения, что Сибирь нуждается в коренном преобразовании и, если эти коренные преобразования и реформы не будут, как в прежнее время, отделяться одна от другой десятками лет, если они не будут полумерами, если они не будут ограничиваться узкими рамками, а разольются равномерно по всей Сибири, – тогда можно будет ожидать от них больших благодетельств для Сибири» (СГ. 1885. № 17). Публицист, обращаясь к традиционной народнической повестке, не мог не замечать худшее положение Сибири в сравнении с центральной частью страны.

Выводы

Работа в фельетонном жанре дала возможность сыльному поэту-народнику Волховскому проводить свои идеи на страницах подцензурного провинциального издания – томской «Сибирской газеты». Анализ фельетонов

позволяет увидеть в текстах и проявление народнических взглядов публициста, и отражение в них областнических идей.

Несмотря на беллетризацию фельетонов Волховского, их ключевой чертой была ориентация на публицистичность. На страницах «Сибирской газеты» Волховский неоднократно раскрывал народническую и областническую позиции, объединяя два идеологических полюса, сосуществовавших внутри редакции. Слияние идеологием областничества и народничества можно проследить в фельетонах публициста как в форме совмещения конкретных деталей образов, так и в виде пересечения различных тезисов.

Примером может служить обращение публициста к образу Сибири, осаждаемой нечистью в фельетоне «Ивана Брута» (СГ. 1883. № 1): в дальнейшем сказочный, областнический мотив обрстал идеологическими вкраплениями в виде щита с гравировками из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса. Также об этом может свидетельствовать обращение к «областническим», сибирским «кондратам» и «котам» наряду с эксплуатацией столичных образов – «Разуеваевых» и «Колупаевых».

Творчество фельетониста формировало взгляд на Сибирь как на регион с особым статусом. Так, народническая ориентация публициста на образование народных масс тесно связывалась с необходимостью зарождения собственной интеллигенции и регионализма, в том числе непосредственно с установками «Сибирской газеты» на исследование местной жизни. Обращаясь к народническим положениям, в частности к тезисам о разрыве между богатыми и бедными, Волховский не мог не указать на проблемы конкретного региона, связанные с колонизацией Сибири.

В обращении публициста-народника к областничеству не обнаруживалось противоречий, что связано с самим переплетением двух течений. Во многом областничество как направление впитало в себя народнические установки, сместив акценты и соединив сибирский патриотизм и регионализм с социалистическими идеалами. Сибирь в конце XIX в. демонстрировала отставание от центра не только в рамках экономического развития, но и в решении социальных проблем, предлагая обширный материал для иллюстрации народнических тезисов. В свою очередь, положение региона по отношению к центральной части Российской империи (характерный взгляд областников на Сибирь как колонию) были еще одной формой социальной несправедливости, которую Волховский не мог обойти стороной.

В фельетонах Волховского, несмотря на то, что Сибирь стала для него местом ссылки, ощущалось неподдельное чувство притяжения региона с его проблемами и позитивная программа, призывы к реформам. Волховский в фельетонах постоянно указывал на душевные силы живущего в Сибири простого народа, страдающего от притеснения, которое он испытывал от «кондратов», «котов» и других хищников. Образ Сибири – в виде феи родины, прекрасной девы – рисовался им столь же притесняемым, как и проживающий в регионе простой люд – притесняемый не только частными обличаемыми лицами, но и экономической политикой центра.

Список источников

1. *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. 177 с.
2. *Жилякова Н.В.* «Сибирская газета», г. Томск, 1881–1888 гг., как явление литературного регионализма : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2002. 237 с.
3. *Круссер Р.Г.* Общественно-политическая и научно-просветительская роль народнической ссылки в Сибири (70-е – начало 90-х годов XIX века) : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1971. 359 с.
4. *Куклина Е.А.* Летопись сибирской периодики 1857–1916 гг. // Традиции и тенденции развития литературной критики Сибири. Новосибирск, 1989. С. 214–231.
5. *Мазуров А.Е.* Зарождение информационных жанров в частной сибирской периодике конца XIX века // Медиаисследования 2020. Барнаул, 2020. С. 171–179.
6. *Старых А.В.* Становление фельетона в русской провинциальной частной газете: газета «Оренбургский Листок» 1876–1879 гг. : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2010. 168 с.
7. *Мазуров А.Е.* Фельетонное творчество Ф.В. Волховского в контексте региональной сибирской периодики : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 252 с.
8. *Доманский В.А.* Ф.В. Волховский – негласный редактор «Сибирской газеты» // Русские писатели в Томске. Томск, 1996. С. 147–167.
9. *Сибирская газета* в воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.В. Жиляковой ; науч. ред. Н.М. Дмитриенко. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
10. *Зорин А.Л.* «Кормя двуглавого орла»: Литература и государственная идеология в России последней трети XVIII – первой трети XIX века. М. : Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
11. *Панкратов В.В.* Смысловое содержание политических идеологем: опыт систематизации // Человек. Культура. Образование. Сыктывкар, 2012. С. 31–51.
12. *Андреев В.М.* О журналистской деятельности предшественников социал-демократии (ссылных народников в Сибири в 70–80 гг. XIX века) // Журналистика в Сибири. Иркутск, 1972. С. 75–85.
13. *Роцевская Л.П.* Поэт вольной печати в сибирской ссылке (к 120-летию со дня рождения Ф.В. Волховского) // Вопросы изучения и преподавания литературы. Тюмень, 1966. С. 51–69.
14. *Роцевская Л.П.* Ф.В. Волховский – сотрудник «Сибирской газеты». // Вопросы истории и теории литературы: Науч. тр. Тюмен. гос. ун-та. 1975. № 14. С. 84–95.
15. *Ямпольский И.Г.* К библиографии Ф.В. Волховского // Ученые записки Ленинградского университета. № 349. Серия филологических наук. Вып. 74: Русская литература и народничество. Л., 1971. С. 184–190.
16. *Жилякова Н.В.* «Обличать, колоть и жалить»: Сатирическая журналистика Томска конца XIX – начала XX века. Томск, 2020. 386 с.
17. *Жилякова Н.В.* Между литературой и журналистикой: фельетоны Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Американские исследования в Сибири: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Американские идеи и концепции в гуманитарных исследованиях ученых Сибири и преподавании в средней и высшей школе». Томск, 2008. С. 333–345.
18. *Мазуров А.Е.* Фельетоны Ф.В. Волховского (Ивана Брута) в «Сибирской газете» // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 78–89.
19. *Мазуров А.Е.* Цикл фельетонов «Сибирский музей» «Консерватора» (Ф.В. Волховского) в «Сибирской газете» (1884–1885 гг.) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 82–95.
20. *Шиловский М.В.* История и теория сибирского областничества // Сибирь: Политика. Экономика. Управление: Информационно-аналитический бюллетень. 1992. № 1. С. 97.

21. Шиловский М.В. Сибирские областники в общественно-политическом движении в конце 50–60-х годов 19 века. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1989. 144 с.
22. Литературное наследство Сибири. Т. 6–7: Г.Н. Потанин. Воспоминания. Статьи, очерки, рецензии. Воспоминания о Г.Н. Потанине. Новосибирск : Кн. изд-во, 1986.
23. Ермолинский Л.Л. Сибирские газеты 70–80-х годов XIX века. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 136 с.
24. Вержбицкая Е.Ю. Взгляды областников на социально-экономическое и общественно-политическое развитие Сибири конца XIX – начала XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2007. 237 с.
25. Крутовский В.М. Периодическая печать в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 279–309.
26. Жилыкова Н.В. «Центр или провинция?»: областническая дискуссия в сибирской печати 1870–1880-х годов // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2010. № 6. С. 12–19.
27. Сесюнина М.Г. Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев – идеологи сибирского областничества (к вопросу о классовой сущности сибирского областничества второй половины 19 века). Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. 138 с.
28. Бакшеев А.И. Сибирское областничество: XIX – начало XX в. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 3. С. 126–136.
29. Порхунов Г.А. Сибирское областничество XIX–XX вв. // Омский научный вестник. 2003. № 5. С. 11–16.
30. Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. 164 с.
31. Ковалычикина Е.П. Мировоззренческая платформа Сибирского областничества // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2002. № 7. С. 32–39.
32. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 362 с.
33. Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1979. С. 528–529.
34. Каблиц И.И. Основы народничества. СПб., 1888–1893. 509 с.
35. Богучарский В.Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. 384 с.
36. Мазуров А.Е. «Нечто о сезоне и прочем»: первый фельетон Ф.В. Волховского в «Сибирской газете» // Актуальные проблемы журналистики : сборник трудов молодых ученых. Томск, 2020. Вып. 15. С. 13–19.
37. Дьячук Т.В. «Любовь к народу»: к истории «социальных чувств» в литературном народничестве 1870–1880-х годов // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2001. № 1. С. 109–125.

References

1. Roshchevskaya, L.P. (1983) *Revolutsionery-raznochintsy v zapadnosibirskom izgnanii* [Revolutionary commoners in West Siberian exile]. Leningrad: LSU.
2. Zhilyakova, N.V. (2002) “*Sibirskaya gazeta*”, g. Tomsk, 1881–1888 gg., kak yavlenie literaturnogo regionalizma [“Sibirskaya Gazeta”, Tomsk, 1881–1888, as a phenomenon of literary regionalism]. Philology Cand. Diss. Tomsk.
3. Krusser, R.G. (1971) *Obshchestvenno-politicheskaya i nauchno-prosvetitel'skaya rol' narodnicheskoy ssylki v Sibiri (70-e – nachalo 90-kh godov XIX veka)* [Socio-political and scientific-educational role of the Narodnik exile in Siberia (1870s – early 1890s)]. History Cand. Diss. Tomsk.
4. Kuklina, E.A. (1989) *Letopis' sibirskoy periodiki 1857–1916 gg.* [Chronicle of Siberian periodicals of 1857–1916]. In: *Traditsii i tendentsii razvitiya literaturnoy kritiki Sibiri*

[Traditions and tendencies in the development of literary criticism in Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 214–231.

5. Mazurov, A.E. (2020) Zarozhdenie informatsionnykh zhanrov v chastnoy sibirskoy periodike kontsa XIX veka [The emergence of information genres in private Siberian periodicals of the late 19th century]. In: *Mediaissledovaniya* [Media studies]. Barnaul: AltSU. pp. 171–179.

6. Starykh, A.V. (2010) *Stanovlenie fel'etona v russkoy provintsial'noy chastnoy gazete: gazeta "Orenburgskiy Listok" 1876–1879 gg.* [Formation of the feuilleton in the Russian provincial private newspaper: the newspaper "Orenburgsky Listok", 1876–1879]. Philology Cand. Diss. Voronezh.

7. Mazurov, A.E. (2022) *Fel'etonnoe tvorchestvo F.V. Volkhovskogo v kontekste regional'noy sibirskoy periodiki* [Feuilleton creativity of F.V. Volkhovsky in the context of regional Siberian periodicals]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

8. Domanskiy, V.A. (1996) F.V. Volkhovskiy – neglasnyy redaktor "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovsky – the unofficial editor of "Sibirskaya Gazeta"]. In: Kol'chuzhkin, E. (ed.) *Russkie pisateli v Tomske* [Russian writers in Tomsk]. Tomsk: Vodoley. pp. 147–167.

9. Zhilyakova, N.V. (ed.) (2004) *Sibirskaya gazeta v vospominaniyakh sovremennikov* [The Siberian newspaper in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: Izd-vo NTL.

10. Zorin, A.L. (2001) *"Kormya dvuglavogo orla": Literatura i gosudarstvennaya ideologiya v Rossii posledney treti XVIII – pervoy treti XIX veka* ["Feeding the two-headed eagle": Literature and state ideology in Russia in the last third of the 18th – first third of the 19th centuries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

11. Pankratov, V.V. (2012) Smyslovoe sodержanie politicheskikh ideologem: opyt sistematzatsii [Semantic content of political ideologemes: an attempt at systematization]. In: *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education]. Syktyvkar. pp. 31–51.

12. Andreev, V.M. (1972) O zhurnalistskoy deyatelnosti predshestvennikov sotsial-demokratii (ssyl'nykh narodnikov v Sibiri v 70–80 gg. XIX veka) [On the journalistic activities of the predecessors of social democracy (exiled Narodniks in Siberia in the 1870s–1880s)]. In: *Zhurnalistsika v Sibiri* [Journalism in Siberia]. Irkutsk: ISU. pp. 75–85.

13. Roshchevskaya, L.P. (1966) Poet vol'noy pechati v sibirskoy ssylke (k 120-letiyu so dnya rozhdeniya F.V. Volkhovskogo) [Poet of the free press in Siberian exile (on the occasion of the 120th anniversary of the birth of F.V. Volkhovsky)]. In: *Voprosy izucheniya i prepodavaniya literatury* [Issues in the study and teaching of literature]. Tyumen: TSPI. pp. 51–69.

14. Roshchevskaya, L.P. (1975) F.V. Volkhovskiy – sotrudnik "Sibirskoy gazety" [F.V. Volkhovsky as an employee of "Sibirskaya Gazeta"]. *Voprosy istorii i teorii literatury. Nauchnye trudy Tyumenskogo gos. universiteta*. 14. pp. 84–95.

15. Yampol'skiy, I.G. (1971) K bibliografii F.V. Volkhovskogo [To the bibliography of F.V. Volkhovsky]. *Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta*. 349. *Seriya filologicheskikh nauk*. 74. pp. 184–190.

16. Zhilyakova, N.V. (2020) *"Oblichat', kolot' i zhalit'": Satiricheskaya zhurnalistsika Tomska kontsa XIX – nachala XX veka* ["To expose, prick and sting": Satirical journalism of Tomsk in the late 19th – early 20th centuries]. Tomsk: TSU.

17. Zhilyakova, N.V. (2008) Mezhdou literaturoy i zhurnalistikoy: fel'etony F.V. Volkhovskogo v "Sibirskoy gazete" [Between Literature and Journalism: Feuilletons by F.V. Volkhovsky in "Sibirskaya Gazeta"]. *Amerikanskije issledovaniya v Sibiri* [American Research in Siberia]. Conference Proceedings. Tomsk. pp. 333–345. (In Russian).

18. Mazurov, A.E. (2020) Fel'etony F.V. Volkhovskogo (Ivana Bruta) v "Sibirskoy gazete" [Feuilletons by F.V. Volkhovsky (Ivan Brut) in "Sibirskaya Gazeta"]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2. pp. 78–89.

19. Mazurov, A.E. (2021) Tsikl fel'etonov "Sibirskiy muzey" "Konservatora" (F.V. Volkhovskogo) v "Sibirskoy gazete" (1884–1885 gg.) [The cycle of feuilletons "Siberian

Museum” by “Conservator” (F.V. Volkhovskiy) in “Sibirskaya Gazeta” (1884–1885)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal*. 2. pp. 82–95.

20. Shilovskiy, M.V. (1992) *Istoriya i teoriya sibirskogo oblastnichestva* [History and Theory of Siberian Regionalism]. *Sibir’: Politika. Ekonomika. Upravlenie. Informatsionno-analiticheskii byulleten’*. 1. p. 97.

21. Shilovskiy, M.V. (1989) *Sibirskie oblastniki v obshchestvenno-politicheskom dvizhenii v kontse 50–60-kh godov 19 veka* [Siberian Regionalists in the Socio-Political Movement in the Late 1950s–1960s]. Novosibirsk: NSU.

22. Yanovskiy, N.N. (ed.) (1986) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Literary Heritage of Siberia]. Vols 6–7. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel’stvo.

23. Ermolinskiy, L.L. (1985) *Sibirskie gazety 70–80-kh godov XIX veka* [Siberian newspapers of the 1870s–1880s]. Irkutsk: ISU.

24. Verzhbitskaya, E.Yu. (2007) *Vzglyady oblastnikov na sotsial’no-ekonomicheskoe i obshchestvenno-politicheskoe razvitiye Sibiri kontsa XIX – nachala XX vv.* [Views of regionalists on the socio-economic and socio-political development of Siberia at the end of the 19th – beginning of the 20th centuries]. History Cand. Diss. Barnaul.

25. Krutovskiy, V.M. (1912) *Periodicheskaya pechat’ v Tomske* [Periodicals in Tomsk]. In: *Gorod Tomsk* [City of Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomsk. pp. 279–309.

26. Zhilyakova, N.V. (2010) “Tsentr ili provintsiya?”: oblastnicheskaya diskussiya v sibirskoy pechati 1870–1880-kh godov [“Center or province?”: regional debate in the Siberian press of the 1870s–1880s]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 6. pp. 12–19.

27. Sesyunina, M.G. (1974) *G.N. Potanin i N.M. Yadrintsev – ideologi sibirskogo oblastnichestva (k voprosu o klassovoy sushchnosti sibirskogo oblastnichestva vtoroy poloviny 19 veka)* [G.N. Potanin and N.M. Yadrintsev – ideologists of Siberian regionalism (on the question of the class essence of Siberian regionalism in the second half of the 19th century)]. Tomsk: Tomsk State University.

28. Baksheev, A.I. (2019) *Sibirskoe oblastnichestvo: XIX – nachalo XX v.* [Siberian regionalism: 19th – early 20th centuries]. *Sotsial’no-ekonomicheskii i gumanitarnyy zhurnal Krasnoyarskogo GAU*. 3. pp. 126–136.

29. Porkhunov, G.A. (2003) *Sibirskoe oblastnichestvo XIX–XX vv.* [Siberian regionalism of the 19th–20th centuries]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 5. pp. 11–16.

30. Pelikh, G.I. (2006) *Istoricheskaya kontseptsiya G.N. Potanina* [Historical conception of G.N. Potanin]. Tomsk: Tomsk State University.

31. Kovalyashkina, E.P. (2002) *Mirovozzrencheskaya platforma Sibirskogo oblastnichestva* [Ideological platform of Siberian regionalism]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesurov*. 7. pp. 32–39.

32. Dameshek, L.M. & Remnev, A.V. (eds) (2007) *Sibir’ v sostave Rossiyskoy imperii* [Siberia as part of the Russian Empire]. Moscow: Novoe lit. obozrenie.

33. Lenin, V.I. (1979) *Ot kakogo nasledstva my otkazyvaemsa?* [What Heritage Are We Rejecting?]. In: Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Politizdat. pp. 528–529.

34. Kablits, I.I. (1888–1893) *Osnovy narodnichestva* [Fundamentals of Narodnichestvo]. St. Petersburg: Tip. N.A. Lebedeva.

35. Bogucharskiy, V.Ya. (1912) *Aktivnoe narodnichestvo semidesyatykh godov* [Active Narodnichestvo of the Seventies]. Moscow: Izdatel’stvo M. i S. Sabashnikovyykh.

36. Mazurov, A.E. (2020) “Nechto o sezone i prochem”: pervyy fel’eton F.V. Volkhovskogo v “Sibirskoy gazete” [“Something about the Season and Other Things”: F.V. Volkhovskiy’s First Feuilleton in “Sibirskaya Gazeta”]. *Aktual’nye problemy zhurnalistiki*. 15. pp. 13–19.

37. D’yachuk, T.V. (2001) “Lyubov’ k narodu”: k istorii “sotsial’nykh chuvstv” v literaturnom narodnichestve 1870–1880-kh godov [“Love for the People”: On the History of

“Social Feelings” in the Literary Narodnichestvo of the 1870s–1880s]. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*. 1. pp. 109–125.

Информация об авторах:

Мазуров А.Е. – науч. сотр. учебной лаборатории редакционно-издательского дела факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

Жилякова Н.В. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой теории и практики журналистики факультета журналистики Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: retama@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.E. Mazurov, research fellow, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: rumatamonteg@gmail.com

N.V. Zhilyakova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Theory and Practice of Journalism, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: retama@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 30.01.2023;
одобрена после рецензирования 11.04.2023; принята к публикации 12.07.2024.*

*The article was submitted 30.01.2023;
approved after reviewing 11.04.2023; accepted for publication 12.07.2024.*